

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

*А.В. Ревякин,
доктор исторических наук
профессор МГИМО МИД России*

По личным, а стало быть очень субъективным впечатлениям, общественное восприятие революции 1917 года у нас в стране за последние 25–30 лет менялось неоднократно. В начале этого процесса мы наблюдаем благоговейно-восторженное отношение к Октябрю, которое десятилетиями насаждалось в обществе всеми средствами советской пропаганды, школой, кинофильмами, литературными произведениями и т.д. Октябрь воспринимался, пусть даже с оговорками, как начало новой эры в истории человечества и поэтому противопоставлялся не только старому, царскому режиму, но и Февралю.

Этот по сути мифологический образ Октябрьской революции разрушила перестроечная публицистика конца 80-х годов. В обществе усилилось, если не возобладало, критическое отношение к Октябрю, который, согласно широко распространенному тогда мнению, толкнул страну на ложный путь развития. Февраль по-прежнему рассматривался в качестве его альтернативы, но теперь уже со знаком «плюс» — как предпоч-

тительная, хотя и нереализованная возможность прогресса на путях капитализма, демократии и парламентаризма.

Довольно быстро неприятие Октября переросло в критическое отношение к революциям вообще, в апологию чисто эволюционного, без бурь и потрясений, пути общественного развития. С этой точки зрения уже не Октябрь казался поворотным рубежом истории России, своего рода точкой невозврата к «нормальной», мирной жизни, а Февраль, потому что именно он, образно выражаясь, выпустил «злого джина» на волю. Скоро стало также ясно, что от критики революций вообще до идеализации старого, разрушенного Февралем порядка — рукой подать. Так поэтапно на смену одним историческим мифам приходили другие.

В мифах ничего плохого нет, мифотворчество — свойство как общественного, так и индивидуального сознания. Вопрос скорее в том, насколько само общество восприимчиво к фантастическим картинками прошлого, будущего или настоящего,

предложить которые всегда найдется много охотников. Полузакрытое от внешнего мира, зажатое в идеологические тиски советское общество было весьма предрасположено к тому, чтобы верить всякому вздору. Этого нельзя сказать о нашем современном обществе — и кругозор рядовых граждан стал неизмеримо шире, и озабочены они реальными интересами гораздо больше своих предшественников. Практически изжили себя дискуссии на тему о том, что «было бы если», популярные на пике перестройки в конце 80-х годов: что было бы с Россией, если бы не мировая война, не Февральское крушение царизма, не Октябрьская революция, не разгон большевиками Учредительного собрания, не победа красных в гражданской войне и т.д. Интересные вопросы, но в настоящее время они мало занимают публику, которая вообразаемому (или альтернативному) прошлому однозначно предпочитает свое реальное настоящее и будущее.

Хотя и говорят, что маятник всегда возвращается, в случае с общественным восприятием революции 1917 года — это неверно: маятник настроений, резко качнувшись из одной стороны в другую, затем потерял ход и в настоящее время замер в состоянии относительного покоя. Причина, кажется, ясна: изменилась жизнь народа, и эту тему заслонил ворох других, гораздо более острых, животрепещущих проблем. Революция, которую советская пропаганда десятилетиями старалась актуализировать, связать с текущим моментом развития страны, на примере которой воспитывала подрастающие поколе-

ния граждан, в восприятии наших современников окончательно утратила злободневное звучание и отошла в прошлое. Она заняла место в ряду других великих — впрочем, таких же противоречивых и спорных — событий, как, например, преобразования Петра Великого или восстание декабристов, которые за сроком давности воспринимаются широкой публикой без эмоций — «просто» как непреложный факт истории и приметная веха в развитии страны.

Извлеченная из политической и идеологической упаковки, в которую была упрятана советскими идеологами, революция 1917 года и связанные с ней события гражданской войны непременно должны были стать предметом повышенного внимания отечественных историков. И действительно, в течение минувших двух-трех десятилетий поток публикаций по этой теме непрерывно нарастал. Среди них, конечно, велика доля старой, ранее «запретной» литературы — воспоминаний бывших деятелей Белого движения, работ историков Русского зарубежья. Но даже за их вычетом картина всё равно впечатляет. Необыкновенно широка и география исследовательской, а также публикаторской деятельности. Наряду с издавна существующими столичными (Москва, Петербург) возникли региональные центры изучения истории Русской революции (включая Гражданскую войну и сопутствующие сюжеты) — Архангельск, Екатеринбург, Саратов, Иркутск и др.

Несколько слов о содержательной стороне историографического процесса в целом. Прежде всего

нужно отметить, что исследователи отошли от догматического истолкования ряда существенных вопросов истории революции. В частности, социальный характер Русской революции оценивается далеко не столь однозначно, как это было в советской литературе (буржуазно-демократическая, пролетарская и т.д.). Многие авторы обращают внимание на то, что революция расколола общество не только и может быть не столько по горизонтали (между классами), сколько по вертикали (внутри классов), поскольку в лагере как ее сторонников, так и противников были широко представлены все основные классовые и социальные группы. Высказывается обоснованное мнение, что конкретные люди становились на ту или другую сторону, руководствуясь далеко не только классовыми интересами или пресловутым «чутьем», но под влиянием сложного и не всегда поддающегося учету стечения обстоятельств.

С сомнением историки относятся к тезису о том, что победа Октября послужила предпосылкой коренного преобразования всего общества, его радикального обновления. Спору нет, в Советской стране многие стороны жизни изменились до неузнаваемости: довольно быстро прекратил легальное существование частный сектор экономики, во всяком случае крупный; наверное, впервые в истории в таком масштабе и столь последовательно применялся принцип уравнительного распределения материальных благ и т.д. Вместе с тем многие долговременные тенденции истории революция не только не переломила, но даже

усилила. Государство командовало экономикой как до, так и после революции — с той лишь разницей, что в советскую эпоху огосударствление экономики было доведено едва ли не до мыслимого предела. Можно отметить также административную централизацию, свойственную как имперской, так и советской России, хотя формально ни та, ни другая не являлись унитарным, единообразно устроенным государством. В системе самой государственной власти как до революции, так и после нее явно преобладали исполнительные органы.

От Российской империи Советское государство унаследовало и часть своей внешнеполитической программы. Обнаружилось это не сразу, а лишь со временем, когда проект «мировой революции» потерпел окончательное фиаско. Преемственность в области внешней политики историки объясняют особенностями геополитического положения страны, которая за долгую историю так и не сумела обрести комфортные внешние границы, защищенные естественными преградами, понятные гражданам и оправданные с исторической точки зрения.

За короткое время удалось выровнять крен, свойственный советской историографии, которая десятилетиями занималась изучением лишь одной из сторон гражданского конфликта, а именно приверженцев Октября. К участникам Белого движения неизменно относились как к политическим маргиналам, закономерно выброшенным на обочину истории. Если они и попадали в поле зрения советских историков, то лишь

по единственной причине — как «доказательство от противного» некой исторической правоты большевиков. Чтобы восполнить зияющие пробелы нашей исторической литературы, исследователи еще в перестроечные годы нацелились главным образом на изучение лагеря противников Октября. За минувшие четверть столетия чуть ли не с нуля была создана «самостоятельная историография белого движения как предмет исторической науки»¹. Впрочем, вся эта литература, выглядящая внушительно, по содержанию и научному значению весьма неравноценна. В ней немало замечательных работ, написанных объективно, как говорится, «без гнева и пристрастия», основанных на ранее не изученных архивных документах. Но много и поверхностных, дилетантских произведений, авторы которых, справедливо порицая советских историков за предвзято негативное отношение к Белому движению, впадают в другую крайность. Специалисты, изучившие вопрос, отмечают: «...Как и в другие периоды развития нашей исторической науки, и сегодня в ней присутствует весьма значительный элемент политизации и мифологизации истории белого движения, только, пожалуй, с иным или даже прямо противоположным аксиологическим акцентом»².

Новейшие исследования подтвердили то, впрочем, и так очевидное обстоятельство, что революция привела к резкому, катастрофическому ухудшению международного по-

ложения России, которая рисковала стать игрушкой в руках иностранных держав. Однако в объяснении причин этого явления теперь удалось добиться большей точности и конкретности по сравнению с советской историографией, упирившей главным образом на своекорыстные цели внешней политики иностранных держав, в том числе и союзников по Антанте, и в особенности на их неприятие социалистической революции. Что касается «своекорыстных интересов», то в настоящее время редко встретишь автора, склонного морализировать по этому поводу. Историки-международники уверенно стоят на той точке зрения, что защита и удовлетворение собственных интересов, включая и область международных отношений — первейшая обязанность любого суверенного государства. Зато они не находят убедительных доказательств тому, что политика иностранных государств по отношению к России после победы Октябрьской революции была продиктована классовым или идеологическим неприятием социалистического эксперимента.

Никто из современных историков не отрицает, что приход социалистов крайнего толка к власти в Петрограде и Москве встревожил иностранные государства. Но не потому, что они усматривали для себя угрозу в их планах ликвидации частной собственности и даже «мировой революции», в осуществимость которых на первых порах мало кто верил. Они опасались, что революционные события в России могут самым неблагоприятным для них образом повлиять на ход мировой войны, которая,

¹ Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 23.

² Там же. С. 30.

по общему мнению, вступила осенью 1917 г. в свою финальную фазу. Противники к этому времени были истощены настолько, что какое-нибудь существенное происшествие или неверное действие могли нарушить хрупкое равновесие их сил на фронте.

По понятным причинам, революционная Россия внушала беспокойство в особенности своим западным союзникам. Она играла незаменимую роль в коалиции держав Антанты, противостоявшей Четверному союзу. Практически самостоятельно она удерживала Восточный фронт Первой мировой войны, оттягивая на себя значительную часть сил Германии, Австро-Венгрии и Турции (в Закавказье). Западные державы прекрасно сознавали, что если бы она согнулась под бременем потерь и тягот войны, то их шансы не только на победу, но даже на компромиссный мир устремились бы к нулю. Поэтому на протяжении всей войны они оказывали России материально-техническую и финансовую помощь, может быть, недостаточную, с точки зрения русских властей, но настолько значительную, что грузы, поставленные ими в северные и дальневосточные порты, просто не удавалось своевременно отправлять по назначению.

В настоящее время доподлинно установлено, что падение дома Романовых в феврале 1917 г. союзники восприняли без всякого энтузиазма, несмотря на антипатию, которую многие западные политики питали к придворной клике, подозреваемой ими в германофильстве. Они считали, что экономика, финансы и

особенно армия России находятся в таком плачевном состоянии, что революция, если ее не остановить, окончательно их добьет. Они начали прорабатывать различные варианты увеличения помощи, чтобы стабилизировать положение в русском тылу и на фронте. Они даже выражали готовность обсудить с Временным правительством вопрос о пересмотре целей войны с учетом требований «российской демократии» (имеется в виду формула «мира без аннексий и контрибуций», выдвинутая Петроградским Советом, с которой Временное правительство не могло не считаться). Но обстановка в стране ухудшалась так быстро, что до реализации этих планов дело не дошло.

Долгое время наши историки не могли найти разумного объяснения настойчивости, с которой союзные державы требовали от Временного правительства проведения наступательных операций на Восточном фронте. Во-первых, на Западном фронте они сами летом 1917 г. перешли к стратегической обороне в силу истощения ресурсов. Поэтому наступление русской армии существенно никак не могло повлиять на ход войны. Во-вторых, даже непрофессионалам вся эта затея представлялась авантюрой в условиях обрушения основных институтов государства и общества в стране, охваченной революцией. Поэтому в литературе с давних пор высказывались предположения, что коварные союзники пытались в очередной раз загрести жар чужими руками. Коварства союзникам действительно было не занимать. Но в данном случае они руководствовались трезвым

расчетом: видя, что обычными методами Временное правительство не может восстановить боеспособность русской армии, они направили свои усилия на то, чтобы принудительно занять ее «боевой работой». Хуже, полагали они, всё равно не будет, но слабая надежда на то, что таким способом можно будет поднять боевой дух русского солдата, еще оставалась. После провала Июньского наступления западные державы поняли, что теперь надеяться можно только на чудо. Лишенные рычагов быстрого и энергичного воздействия на положение в России (нельзя забывать, что от основных союзников она была отделена тысячами морей и океанов), они ждали, когда наступит хоть какая-то определенность, и готовились к худшему.

Вопреки тому, что утверждала советская историография, ни победа Октябрьского восстания в Петрограде, ни последующие события вплоть до весны 1918 года, не внесли ясности в вопрос о будущих отношениях России как с союзными, так и с враждебными державами. Во-первых, никто бы не поручился, что большевики сумеют удержать власть в своих руках. Во-вторых, внешнеполитическая программа, с которой они пришли к власти, была при ближайшем рассмотрении туманна и противоречива. Современный исследователь считает, что если непредвзято прочитать знаменитый Декрет о мире, то можно без труда обнаружить в нем немало логических нестыковок и явных противоречий. «...На что реально надеялись, — вопрошает Л.Н. Нежинский, — ка-

кие цели преследовали Ленин и его сторонники — агитационно-пропагандистские или конкретно-практические, — обращаясь с призывом о всеобщем демократическом мире не только ко всем народам, но и правительствам воюющих стран? Ведь трудно поверить, что Ленин и его единомышленники не отдавали себе отчета в том, что ни одно из существовавших тогда в капиталистическом мире правительств не примет условий мира, сформулированных большевиками»³.

Союзники новую власть в Петрограде не признали, но, по данным новейших исследований, на первых порах не предъявляли ей претензий на идеологической почве. Выдержав непродолжительную паузу, они по собственной инициативе вступили с ней в тесное общение, правда, прибегая с этой целью в основном к услугам неофициальных агентов или дипломатов низшего звена. Главное, к чему союзники стремились, — это убедить Советское правительство в необходимости отказаться от мира с Германией. Для них принципиально важно было сохранить Восточный фронт, в любом виде, поскольку в силу только своей протяженности он связывал значительные силы противника, которые в противном случае могли бы быть использованы на театрах военных действий в Западной или Южной Европе. В случае согласия союзники обещали Советскому правительству разнообразную помощь, что одновременно означало бы и его фактическое признание.

³ Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004. С. 20.

Н.Е. Быстрова обоснованно утверждает: «Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзников оставалась опаснее большевизма»⁴.

Понервничать пришлось гражданским и военным руководителям не только союзных России стран, но и Четверного союза. В настоящее время безусловно доказанным считается факт, что правительство Германии в течение ряда лет косвенными методами поощряло и даже материально подпитывало антивоенную, по понятиям того времени — «пораженческую» пропаганду в России, равно как, впрочем, и в других странах Антанты. Но на этом основании никто из серьезных исследователей не признаёт Ленина и большевиков платными агентами или хотя бы «агентами влияния» Германии. Самое большее, что им можно поставить в вину, это неразборчивость в средствах для достижения своих целей. Но подобное обвинение для профессиональных революционеров, привыкших ходить по лезвию ножа, — все равно что булавочный укол. В любом случае грязные деньги — пустяк по сравнению с теми злодеяниями, которые творили большевики, придя к власти... Достаточно ясно представляя, с какими людьми им теперь приходится иметь дело в России, власти Германии действовали с крайней осторожностью, прежде всего стараясь оградить от революционной пропаганды свои войска и гражданское население.

В первых шагах большевиков на международной арене исследовате-

ли не усматривают ничего, что свидетельствовало бы об их стремлении к сепаратному миру с Германией. Они пришли к власти под лозунгом «демократического мира без аннексий и контрибуций». Они утверждали, что такой мир возможен только в случае, если буржуазные правительства будут свергнуты в основных странах Запада, т.е. в результате мировой революции. В предвидении этого события, которое, по их представлениям, должно было произойти в ближайшие недели или месяцы, они предлагали воюющим странам прекратить военные действия и заключить перемирие на длительный срок. Перемирие на всех фронтах, с участием других стран Антанты, — главное, на чем настаивали большевики в первые недели после прихода к власти, рассылая соответствующие обращения правительствам воюющих государств. Целью большевиков было потянуть время, пока не поднимется на баррикады передовой пролетариат Запада.

Но перемирие с немцами совершенно не входило в планы союзников России, как никогда ранее настроенных решительно на продолжении войны «до победы». Вместе с тем они не сомневались, что противник попытается склонить Советское правительство к сепаратному миру на выгодных для себя, заведомо аннексионистских, грабительских условиях. Угроза представлялась западным державам вполне реальной, хотя скорее вероятной, чем неизбежной. Ведь они не предполагали, что революционеры крайнего толка могут пойти на сделку с «реакционными» правительствами. Не пугал союзников

⁴ Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1918 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив. 2016. С. 52.

даже «призрак» мировой революции, о близости которой твердили большевики — от нее предположительно первыми должны были пострадать Германия и Австро-Венгрия, а это было бы только на руку Антанте. Поэтому они затеяли рискованную дипломатическую игру — не ответили на мирные предложения Советского правительства и сдержанно отнеслись не только к соглашению о перемирии, которое в декабре 1917 года большевики в одностороннем порядке подписали с государствами Германского блока, но даже к началу переговоров в Брест-Литовске о сепаратном мире. Во всяком случае, от крайних мер дипломатического противодействия, вроде отзыва послов, они отказались.

Между тем большевики в начале 1918 года обнаружили, что события международной жизни развиваются отнюдь не по начертанному ими сценарию. С одной стороны, не оправдались надежды на скорую мировую революцию. С другой стороны, иностранные государства своими действиями не дали им возможности потянуть время и в комфортных условиях дожидаться этого счастливого момента. Союзники не приняли их неоднократно возобновляемого приглашения присоединиться к перемирию, заключенному со странами Четверного союза. Последние также отказались пойти на какие-либо послабления: требуя от большевиков безотлагательного подписания сепаратного мира, они угрожали в противном случае возобновлением военных действий.

Исследователи в настоящее время пытаются распутать клубок, в который

сплелись противоречия вокруг России в конце 1917 – начале 1918 годов. Научные данные свидетельствуют о неоднозначном поведении всех крупных международных игроков. Советское правительство, добивавшееся в той или иной форме дипломатического признания перед лицом многочисленных противников у себя дома, постоянно лавировало между державами Антанты и Четверного союза. На два лагеря разделилось в своих предпочтениях и антибольшевистское сопротивление внутри страны — часть его рассчитывала на помощь Германии и ее союзников, другая — нашла опору в Антанте. Острое соперничество за влияние на Россию разгорелось между враждующими коалициями, хотя каждая из них так до конца и не определилась, сделать ли ставку на большевиков или на силы, им противостоявшие. В конечном счете в европейских столицах решили по возможности использовать в своих интересах одновременно и тех и других.

В феврале 1918 года страны Четверного союза, казалось, сами толкнули большевиков в объятия Антанты. Они разорвали перемирие и двинули свои войска вглубь российской территории. Советские власти обратились с просьбой о помощи к союзникам. Те с готовностью на нее откликнулись: их радовала прежде всего перспектива восстановления Восточного фронта. Однако масштабы наступления, предпринятого противником, фактически не оставляли большевикам выбора.

Ввиду угрозы Петрограду и другим жизненно важным центрам 3 марта советские представители

подписали в Брест-Литовске мир. По всей видимости, именно тяжелейшие для страны условия договора послужили почвой для возникновения легенды о поражении России в Первой мировой войне. Между тем сами большевики расценивали его как насильственный, а стало быть — несправедливый, нелегитимный. Страны Антанты также заявляли, что не признают его и считают ничтожным. Соглашение о перемирии 11 ноября 1918 г., которое положило конец Первой мировой войне, обязало Германию денонсировать Брестский мир. Даже то обстоятельство, что Россия не участвовала в Парижской мирной конференции 1919 года, не может служить доказательством ее поражения в войне.

В современной историографии предлагается новая трактовка разногласий, вспыхнувших весной 1918 года в большевистском руководстве по вопросу о сепаратном мире. Л.Н. Нежинский считает, что суть дела не в том, что «левые коммунисты» занимали в этом споре ошибочную позицию, а В.И. Ленин — единственно правильную. За разногласиями между ними по конкретному вопросу исследователь усматривает столкновение двух концепций внешней политики, между которыми большевистское руководство так и не сумело сделать выбор. «...С первых же дней своего зарождения, — пишет исследователь, — внешнеполитическая доктрина... советского государства базировалась на двойственной основе... Это был курс, с одной стороны, на «мировую революцию» и ее поддержку, а с другой — на обеспечение, хотя бы на ог-

раниченное время, мирных условий дальнейшего существования возникшего строя»⁵.

Придя к власти, большевики взяли на вооружение концепцию мировой революции практически в готовом виде. Но работа над оформлением альтернативной концепции заняла у них некоторое время. Важную роль сыграл спор большевиков-ленинцев с «левыми коммунистами»: «Соображения и выводы, высказанные В.И. Лениным в ходе дискуссии о Брестском мире, закладывали определенную основу для выработки в дальнейшем концепции мирного сосуществования государств с различным строем»⁶. Фактически последняя стала применяться на практике еще до того, как была официально сформулирована в начале 20-х годов. Самое убедительное тому доказательство — Брестский мир.

Доктринальный дуализм открывал перед большевистским руководством широкое поле для маневра в области внешней политики, позволяя ему в зависимости от обстоятельств оправдывать свои действиями интересами как мировой революции, так и мирного сосуществования. В частности, осенью 1918 года в связи с началом иностранной военной интервенции и окончанием мировой войны в центре внимания большевистского руководства снова встали задачи мировой революции. Пик надежд — и иллюзий — на нее пришелся на период советско-польской войны 1920–1921 годов, когда, по словам историка, «советское руководство предприняло, пожалуй, наиболее

⁵ Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 21.

⁶ Там же. С. 43.

серьезную за всю гражданскую войну попытку «активизировать» революцию за пределами [советской] страны»⁷.

В свете новейших исследований едва ли не самым важным рубежом в истории международных отношений России эпохи революции и гражданской войны предстает именно Брестский мир. Он окончательно прояснил обстановку на востоке Европы, показал, кто с кем и против кого. Правда, ясность наступила не внезапно, понадобилось некоторое время, чтобы контуры новой расстановки сил приобрели четкие очертания.

Брестский мир непосредственно не разрядил напряженность в отношениях между Германией и Россией. Германские войска продолжали движение вперед, занимая всё новые территории, которые переходили под управление марионеточных правительств, образованных при поддержке оккупантов. Именно поэтому Советское правительство не отказалось от неофициального сотрудничества с державами Антанты, рассчитывая на их помощь в создании Красной Армии. Антантовские дипломаты, после отъезда из Петрограда обосновавшиеся в Вологде, поддерживали связь с народными комиссарами. Обсуждались, в частности, планы т.н. интервенции «по соглашению» (иначе — «по приглашению» или «на базе взаимных интересов»), которые предусматривали ввод некоторого количества антантовских войск в порты на севере и востоке России при согласии Советского правительства. Целью интервенции

провозглашалась охрана товарных запасов, скопившихся в этих портах, а также стратегических коммуникаций (Мурманской, Транссибирской железных дорог). Первоначально интервенты не намеревались вмешиваться во внутренние дела России — среди современных исследователей по этому вопросу нет существенных разногласий. И советские власти первоначально не препятствовали осуществлению этих планов, рассчитывая на помощь иностранных войск (в стране не хватало боеспособной вооруженной силы) в борьбе с германскими агрессорами и их марионетками. Когда финны, получившие в декабре 1917 года независимость из рук Советского правительства, попытались перерезать Мурманскую железную дорогу, их нападение было отбито отрядами Красной гвардии при поддержке британских интервентов.

Вместе с тем Брестский мир способствовал мобилизации и консолидации антибольшевистских сил, которые в своем большинстве его отвергали. Уступки, на которые Советское правительство было вынуждено пойти по этому договору, по словам Н.Е. Быстровой, «делегитимизировали большевистский режим в глазах политически активного класса больше, чем отмена демократии и частной собственности»⁸. На путь заговоров и восстаний против власти большевиков встали даже левые эсеры, ранее с ними блокировавшиеся и имевшие своих представителей в Советском правительстве. Политическая база режима заметно сузи-

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Быстрова Н.Е. Указ. соч. С. 83.

лась и возникла реальная угроза его существованию.

Против Брестского мира энергично протестовали русские дипломаты, в свое время назначенные на работу за границу еще царским и Временным правительствами. Они отказались подчиняться Совету народных комиссаров, но не сложили полномочий и по договоренности с правительствами стран пребывания сохранили значительную часть дипломатических привилегий. В конце 1917 года «русским послам удалось создать... координационный совет, который объединил загранучреждения МИД — Совецание [или Совет] послов»⁹. Свою миссию члены Совета видели в том, чтобы помочь объединению всех антибольшевистских сил с целью восстановления в России законной власти, которая, по их представлению, перестала существовать после свержения Временного правительства. В обоснование своих политических притязаний они выдвинули концепцию «двух России» — одной, подчиненной правительству большевиков, и другой, лишившейся правительства, но «истинной, национальной, оставшейся верной всем обязательствам, лежавшим на стране до октябрьских событий»¹⁰.

К авторитетному мнению русских дипломатов прислушались правительства стран Антанты. Но прежде всего они принимали во внимание перегруппировку политических сил, которая произошла в самой России

вследствие Брестского мира, и делали из этого надлежащие выводы. Они окончательно отказали в доверии советским властям и переориентировались на поддержку проантантовских, *ipso facto* антибольшевистских сил. Символическим актом, ознаменовавшим поворот в отношениях между бывшими союзниками и Россией, явился отъезд антантовских дипломатов летом 1918 года из Вологды в Архангельск и Владивосток, т.е. на территорию, которую контролировали войска интервентов.

Событием, которое не символически, а реально вбило клин в отношения Советского правительства с державами Антанты, явился мятеж Чехословацкого корпуса. При его решающем участии в считанные недели летом 1918 года была свергнута советская власть на огромных просторах страны от Поволжья до Дальнего Востока. Причины и обстоятельства этого мятежа уже давно являются у нас объектом кропотливых исследований. С полным основанием можно утверждать, что одним из поводов для мятежа явились частью неуклюжие, частью провокационные действия различных советских учреждений как в столице, так и на местах. Вместе с тем убедительно доказано и другое — мятежников решительно поддержали державы Антанты, стремившиеся использовать их как таран, как главную ударную силу против большевистской власти.

Разумеется, большевики не могли безучастно относиться к тому, что у них под ногами колеблется почва и что против них формируется коалиция в составе сил внутренней

⁹ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 215.

¹⁰ Миронова Б.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1919. М., 2013. С. 52.

контрреволюции, держав Антанты и десятков тысяч вооруженных и обученных военному ремеслу чехословаков? Собственных сил в то время у них было явно недостаточно, чтобы самостоятельно справиться с могущественным противником. Летом 1918 года единственной международной опорой большевиков была ненавистная империалистическая Германия. Не было никакого сомнения в том, что она дорого взыщет с них за поддержку. Но большевики пошли и на это унижение ради сохранения советской государственности. В августе 1918 г. Советское правительство заключило с Германией финансовое соглашение, в со-

ответствии с которым обязалось, среди прочего, передать ей часть русского золотого запаса в порядке возмещения ущерба казне и подданным кайзера, а фактически в качестве военной контрибуции. Не важно, что к этому времени ни у кого не оставалось сомнений в неизбежности поражения Германии и ее союзников в мировой войне. Цель большевиков без всякого преувеличения заключалась в том, чтобы «день простоять, да ночь продержаться». Ибо в России летом 1918 года разразилась жестокая Гражданская война, положение на фронтах которой менялось динамично и непредсказуемо.